

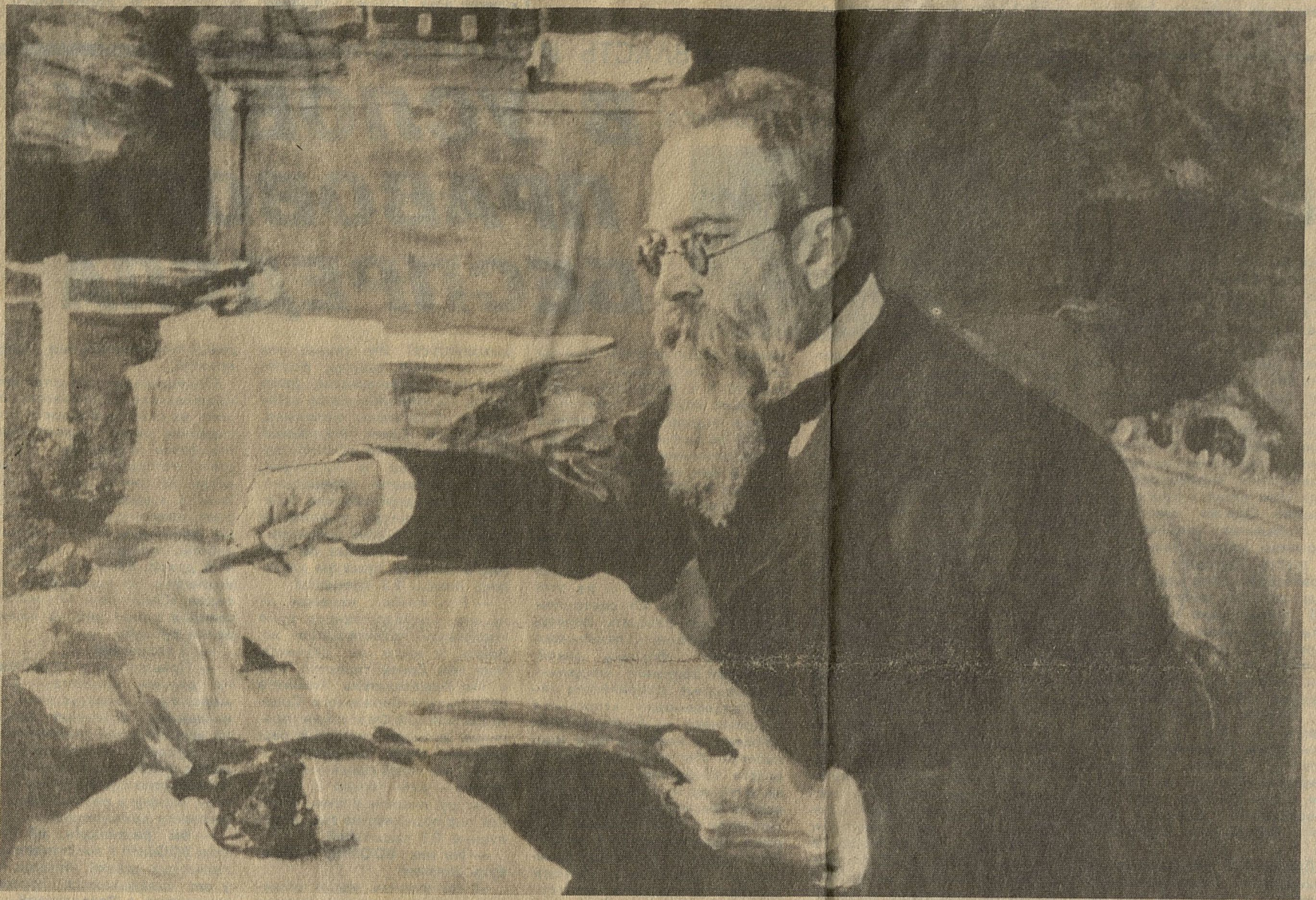
Римский-Корсаков

Культура. - 1994. - 19 марта. - С. 1

ЮБИЛЕИ

ГАРДЕМАРИН И ЕГО КОРАБЛИ

● Н. А. Римский-Корсаков. Портрет работы В. Серова (1898).

Римский-Корсаков не терпел юбилеев. Звал их хроническими, непереносимыми, благодарил сердечно какое-нибудь музыкальное общество или (чаще) императорский театр, вдруг почему-то не принявший участия. Но спустя век окончательно ясно: его слава не позволит отдохнуть ни одному музыкальному обществу и ни одному театру. Нет русской музыки без Римского-Корсакова, без его волшебных былин, сказок, фантастических гармоний и чудо-оркестра.

Нет, а случайно могла быть. В отличие от многих и многих западных композиторов этот

гений, как и все наши гении, проявлялся не последовательно в учении, в детских концертах и симфониях, а в лучшем случае в дворянских полчках. Николай Римский-Корсаков был типичный мальчик-дилетант, перед которым случайно открылась дверь в музыку. И тотчас закрылась, так как он принужден был покинуть новых петербургских знакомых — кипучий балакиревский кружок — и начать задуманную карьеру моряка. Вспомнить об этом в дни празднования 150-летия композитора любопытно по двум причинам.

Первая — самые яркие его жизненные впечатления остались от кругосветного плавания гардемаринот Гольфстрема, Ниагары, звезд над тропическим океаном, от пальм Рио-де-Жанейро и светящегося моря Соргасео. А вторая причина — те самые, неизменно в связи с его жизнью приходящие размышления о счастливой случайности вхождения в русскую музыкальную историю, которая вполне могла до Рахманинова на этой букве отдыхать.

(Окончание на 2-й стр.).

Культура. - 1994. - 19 марта. - С. 2.

Гардемарин и его корабли

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

В «Летописи моей музыкальной жизни» он вспоминал: «Я стал офицером-дилетантом, который не прочь иногда поиграть или послушать музыку; мечты же о художественной деятельности разлетелись совершенно, и не было мне жаль тех разлетевшихся мечтаний». Однако все опять вернулось. Он опять «привык» к музыке, сошелся с «Могучей кучкой», почел Балакирева «своею альфой и омегой». Больше уж никогда не плавал ни на «Алмазе», ни на каком другом клипере. Плавал на волшебных кораблях в своих волшебных операх.

В «Садко», в «Сказке о царе Салтане», в симфонической «Шехеразаде» «нарисовал» замечательные, необыкновенные корабли и окружил их чудными, неописуемыми фантастическими сценами: рассказ Морской царевны у Ильмень-озера в «Садко», пляски речек и рыбок, шествие чуд морских, венчание с Волховой... Из «Салтана» детская память всю жизнь держит гармонию Лебедь-птицы, чудеса в рассказах корабельщиков. А буря в «Шехеразаде» (корабль разбивается о скалы)! И сразу после нее — журчащая скрипка, восточный узор речи Шехеразады, начинающей новую сказку для султана. Этот узор, пожалуй, затайливее, нежнее и коварнее всех восточных узоров, сотканных в русской классике. Кюи, Балакирев, Бородин, Глазунов и много еще других средней величины, равно как великие и средние французы того времени, написали множество ориентальных страниц, но страницы Римского-Корсакова — из лучших. Особенно это чудесное скрипичное соло.

Без счета чудесных мест в его творчестве. Самые самобытные — фантастические девицы образы в операх, тающие и исчезающие. Панночка, Снегурочка, княжна Млада, Морская царевна... Особенно

Снегурочка. В историю вошла нескромность скромного и сдержанного композитора: «Снегурочку» называл не только среди своих лучшей оперой, но и первой из современных. Влюблен в нее был безоглядно. «Не было для меня на свете лучшего сюжета, не было для меня лучших поэтических образов, чем Снегурочка, Лель или Весна, не было лучше царства берендеев с их чудным царем, не было лучше мирозерцания и религии, чем поклонение Яриле-Солнцу».

Кстати, создавалась она необычно. Повидавший много экзотики, зрелый человек впервые (I) провел лето в настоящей русской деревне, где абсолютно все восхищало его — рощи, поля, сады, полевые цветы и лесные птицы, даже названия деревьев (казалось бы — Копытец, Тетеревино, Хвошня)... По теориям фантастов нашего века, «Снегурочка» — это поэтическое Отражение, в котором реальный лес стал заповедным, голая горка — Ярлиной горой, эхо — голосами лесных чудищ. Нет правды жизни, но какая правда искусства!

И какой оркестр в «Снегурочке»! Ля мажор Весны (виолончели и валторны) — единственный в своем роде, поцелуй — самая сочная и бархатная по инструментовке. Опять же многочисленные соло, новые эффекты (блуждание Мизгирия в лесу) — «полна, полна чудес», как поет Берендей, «Снегурочка».

Разве возможно было предположить такое великолепие, зная первые музыкальные впечатления юного Корсиньки (так звали его друзья)? Немузыкальная семья, глухой Тихвин, в котором никто никогда не гастролировал, а из своих музыкантов был балетный оркестр из двух человек, по части вокальной музыки — одна-единственная барышня, певшая один-единственный романс.

Саморазвитие, труд, редкая устремленность — вот что еще выделяет эту фигуру в русской

истории, ибо соседствует она с самородками не столь волевыми, не столь плодовитыми и организованными. И в результате — спокойная, благополучная, счастливая жизнь, исключение среди русских творческих биографий. Хотя и он знал «пугающее брожение мысли»: «Я... всегда был готов поиграть в домашнюю философию, поговорить о материях важных, «продумать миры» для развлечения, переворотить начала всех начал и концы всех концов». Однако отказывался от глобальных сюжетов (типа «Кончины мира»), называя себя mezzo carattere, средним характером. «Мне надо что-нибудь простое, ясное»...

В предыдущие юбилейные даты выплывали случившаяся с ним в 1905 году благородную историю ухода из консерватории. Теперь она заняла подобающее ей скромное место. Больше стоило бы говорить о его педагогическом труде, дирижерстве, о последних, совсем особенных операх — «Кашее» и «Петушке», о том, сколько сделал для безвременно ушедших друзей — Бородина и Мусоргского.

Деятельная это была натура, вызывавшая непоколебимое уважение и признание. Как было не «юблять». Но хоть не терпел адресов и венков, очень любил цветы («Истинный художник не может не любить цветов»), и ему всегда их дарили дети, друзья, ученики. На день рождения (6 марта по старому стилю), Николай день (9 мая), на премьеры и концерты. И принесли «живой курган» 86 лет назад в церковь Петербургской консерватории, где отпевали ее профессора и великого русского сказочника.

Памятник на могиле Николая Андреевича Римского-Корсакова сооружен по эскизу Рериха — вершина кургана с древним новгородским крестом. Высоко возвышается этот курган в нашей культуре.

И. КОСМИНСКАЯ.